Станислав ПЕРШИН

К 75-летию Н.М. Рубцова

ВЕТЛУЖСКИЙ ГАРМОНИСТ — ПОЭТ НИКОЛАЙ РУБЦОВ

...игравший человек не видел меня, хотя он ни секунды не сидел неподвижно: его водила, качала, закручивала и раскручивала мелодия. Мне казалось, что он руководит симфоническим оркестром. Это был Николай Рубцов.

И.С. Грачёв

Николай Рубцов единственный раз побывал на Ветлуге по приглашению Александра Сизова, студента, только что окончившего второй курс Литинститута. Восемнадцатилетний ветлугай вскоре после зачисления «в студенты» (23 ноября 1967 года) обрёл уже знаменитого товарища, студента-заочника, поэта Н. Рубцова. Вспоминает Сашин «сокомнатник» по общежитию, нижегородский прозаик В.А. Николаев: «...вскоре мы услышали о «Звезде полей» Николая Рубцова и увидели и его самого в нашем общежитии. И Сизов, покорённый его стихами, не отставал от Рубцова ни на шаг. Рубцов был заочник, на лекции не ходил, и Сизов последовал его примеру. Днями он чаще бывал в общежитии нежели на институтских лекциях. Рубцов для него был больше, чем сам институт. Он узревал его всюду и следовал за ним неотступно по всем этажам. Бывали они и в нашей комнате, где мы с Сашей жили...»[1]

29 июня 1969 года Николай Рубцов вышел из вагона поезда на станции Ветлужская, доехал на автобусе до старинного городка Варнавин, и на улице Продотрядников, около почты встретился с Александром. Николай был уставший, небритый и затрапезно одетый. Эпизод встречи Сизов описал в одиннадцати прижизненных публикациях. В десяти из них туманно сообщает, что повёл Рубцова — то домой, то к знакомым, то просто куда-то... И лишь спустя 25 лет приоткрыл «тайну» — пошли они с Николаем к его старшей сестре Валентине Алексеевне, жившей с семьёй в собственном доме, где состоялся дебют Рубцова, как ветлужского гармониста: «...Варнавино — город старых уездных кровей. Сюда приятно привозить гостей, водить их старинными парками вдоль угора над Ветлугой...

Вот и тогда, 25 лет назад, в 1969 году пригласил я в гости своего товарища по Литинституту Николая Рубцова: чтобы приехал он прямо на престольный праздник Святого Варнавы, основателя городка. Он и приехал на варнавинскую годину. |А. Сизов запамятовал. Рубцов приехал в воскресенье на праздник «День советской

[1] Николаев В.А. В Литинституте с Сизовым и Рубцовым // Сизовские чтения. Н Новгород, 2002. — С.20

молодёжи», а Престол в 1969 году отмечался 24 июня во вторник. — ***С.П.***]. И — надо же такому случиться — среди толп гуляющего, празднично одетого народа сталкиваемся с ним нос к носу: иду по улице, а он вываливается из боковой двери почты, как птенец из гнезда. Взъерошен и небрит, одет не по погоде в замшевую курточку, изрядно, до глянцевитого блеска затёртую, засаленную. Весёлые, нарядные люди оглядывались на него — что ещё за лотрыжка приехал на праздник, а он, кажется, кожей ощущал эти докучливые взгляды и ёжился, зверьковато озирался.

Только у моей сестры Вали, побрившись и умывшись, переодевшись в свеженькую рубашку с закатанными рукавами, сев к застолью да выпив, да взяв в руки гармонь, он и расправился, глянул на мир прежним бравым морячком. Какое там лотрыжка! За столом сидела и сыпала частушками, наигрышами и переборами душа соколиная, радость и очарование загулявшей компании...».[2] Играл поэт на гармони, принадлежавшей семье сестры Александра.

В родительском доме Саши, в деревне Ляпуново близ Варнавина, в его руки попала семейная гармонь Сизовых: «В деревне Ляпуново, где мы жили у моей матери, увидел гармонь, хромку с разорванным ремнём. Сразу, как ребёнок, потянулся к ней. Наладил ремень, связав его обрывком бельевой верёвки, развернул меха. С нарочитой хрипотцой, с «подтрясом», играя ухаря, запел:

Финочкой забрякали,
Отец и мать заплакали.
Не тужи, отец и мать,
Сырой земли не миновать.

— У нас на Сухоне поют такие отчаянные частушки. Они так и называются — «хулиганские частушки». Я их много знаю, хочешь, ещё спою...

Но запел не частушку, а свою «Осеннюю песню». Запомнились строчки, которые не вошли в сборник:

Я в ту ночь полюбил
Сумасшедшие листья,
Все запретные мысли,
Весь гонимый народ.

Судьба гнала его самого, как сухой листок, и он, жалея всех гонимых судьбой, видел себя в них».[3]

Александр Сизов пригласил в гости в деревню Ляпуново своего «литературного крёстного отца», заместителя редактора районной газеты «Новый путь» Ивана Сергеевича Грачёва (1934-1995), впоследствии вспоминавшего: «...Ещё на школьной скамье я держал его на крючке стихов...» (1994 г.). Состоялось знакомство поэта с газетчиком. Последний пригласил Рубцова в редакцию. «Приём гостя вёлся под кудрявыми акациями Ленинского садика на деревянной скамейке».[4] Николай Михайлович передал И.С. Грачёву около 30-ти машинописных автографов стихотворений и один рукописный. После отъезда поэта из

[2] Сизов А. Праздник поэта России // Знамя, Решетиха (Нижегород. обл.), 1994. — 25 авг. — С.3.

[3] Сизов А. «По лесам, в окрестностях Ветлуги»: (Встречи с Н. Рубцовым) // Север, Петрозаводск, 1988 (11). — С.103-110.

[4] Ераполова З.К. Встречи в варнавинской редакции: (отрывки) // Вестник краеведов. 2011. Дзержинск (Нижегород. обл.), 2011. Вып.II. — С.46-49.

Варнавина, девять были опубликованы в газете.[5]

Спустя 25 лет И.С. Грачёв подал свой голос «вспоминателя» о посещении Рубцовым Ветлуги: в отрывке мемуаров «Пора воспоминаний» он пишет: «К середине 60-х годов относится моё двухнедельное знакомство с поэтом Николаем Рубцовым. В тексте фигурирует ещё имя Александра Сизова, к сожалению, не ставшего литературным именем после окончания Литературного института. То, что я буду рассказывать об этих людях, не дадут соврать ни одного слова две сестры Александра. А главный свидетель тех давних событий — Анатолий Сизов, работяга, бригадир в горном транспорте ГОКа. <...>. Предлагаю начало рассказа про мои встречи с Николаем Рубцовым в родительском доме Александра и Анатолия Сизовых. Если мои мемуары заинтересуют читателей <...>, то со временем, скажем к началу 1995 года, представлю рукопись...» (Увы... Мечта не осуществилась... Публикуемое ниже начало рассказа — единственное; что оставил нам автор. В 1995 году болезнь свела Ивана Сергеевича Грачёва в могилу).[6]

«Кто-то где-то пиликал на гармони. И звуки-то вроде писклявые, но какое русское сердце не встрепенётся при их возникновении!

Я растерянно и беспомощно оглядывался вокруг, не понимая, откуда они просачиваются. Небольшая деревушка в два ряда с большинством заколоченных, а то и вовсе заброшенных домов, банек, амбаров прилепилась на самом краю высоченного угора на правом берегу Ветлуги с густо навтыканными острющими ёлками. И только по деревне вольготно развесили мощные ветви тополя, берёзы, рябины. На сине-голубой полосе лесов чуть волнистого Заветлужья они выглядели великанисто. Вдали к северу горбилась легендарная Лялина гора. А внизу под деревней широко и пусто-сахарно белели пески излучины реки — эх, да такие-то бы да на ялтинские галечные пляжи!

Стояла послеполуденная жара. Тишь. Безмолвие. Безлюдие. Откуда быть гармони, у кого праздник? Да и наигрыш-то проклёвывался непраздничный: «Степь да степь круго-о-ом, путь далё-ёк лежи-и-ит...» И тут я учуял, что играет не здешний гармонист. Здешние любую мелодию ведут одним звуком, переставляя пальцы по кнопкам поочередно с одной на другую, а басами чаще всего невпопад. А этот как бы только обще обозначив мотив, тихонько выдавал аккорды, державшиеся на басовых опорах-сваях. Шельмец, он явно знал полную грамоту и блюл её даже на местной растрепанной двухрядке-хромке.

И я начал на ходу строить догадки. Меня вытащил из редакции местной районки велосипедный нарочный от Сани Сизова братишка его, среднешкольник. Тот звал к себе домой, в деревню Ляпуново. Дескать, привёз в гости из Москвы какого-то Руфцова, то ли Румцова — от запыхавшегося шкета-велосипедиста я не очень понял фамилию. Ну, раз Саня зовёт, значит, что-то экстраординарное. Сколько раз

---

[5] Николай Рубцов. Звезда полей горит не угасая // Новый путь, Варнавино (Горьк. обл.), 1969. — 10 июля. — С.3.

[6] Грачёв И.С. Пора воспоминаний // Качканарский рабочий, Качканар (Свердл. обл.), 1994. — 27 авг. — С.3.

он, студент Литинститута, бывший работник нашей редакции, а ещё раньше — ещё на школьной скамье я держал его на «крючке» стихов, приезжал домой и всегда сам приходил на свидание в редакцию.

Деревенька его — в двух верстах от Варнавина. И случилось так, что я исползал по району каждый даже заброшенный лесной починок, это самое Ляпуново видел тыщи раз. В соседних на угоре деревнях Кирюшине и Анисимове бывал многократно, а в Ляпунове — нет. Поэтому и не знал, где живёт Саня. Гармонь и подсказывала: тут он живёт, больше у кого играть. Я потянулся на гармонь, как гвоздь на магнит.

И увидел такую картину.

Под густой цветущей рябиной, вроде прямо из-под земли дымила деревянная труба. Ага, рябина росла на бугре, под которой поставлена баня с дерновой крышей, заросшей травой, цветами. На бугре же, под рябиной, слоновыми ушами расплашмялись лопухи, среди них зелёным шёлком отблёскивали ленты листьев конского щавеля, высоко выбросившего красные хвосты семенников.

Среди этого лопушастого буйства и блуждала-ползла вязь гармонных звуков, будто запуталась в летнем озорстве. Не сразу я разглядел лысенький затылочек маленькой остроносенькой головки, голые и до стыдобы белые погородски плечишки. Игравший человек не видел меня, хотя он ни секунды не сидел неподвижно: его водила, качала, закручивала и раскручивала мелодия. Мне казалось, что он руководит симфоническим оркестром, хотя над ним и перед ним только перепархивали белобабочки-капустницы: вот одна села на плечо, поелозила в стороны, перепрыгнула на гармонь.

Это был Николай Рубцов».[7]

Исследованием обстоятельств пребывания Рубцова на Ветлуге и поиском лиц, видевших или общавшихся с ним, длительное время занимается представитель старинного рода ветлугаев Кирбитовых, спокон веков живущих на земле Поветлужья, Юрий Александрович. Он родной брат Леонида, у которого студенческие товарищи ночевали на повети[8] во дворе дома в посёлке Нижник на Ветлуге во время паломничества в лесное варнавинское Заветлужье на Лялину гору, предпринятого Сашей, чтобы Николай воочию увидел лесные дебри, где когда-то творил свои чёрные дела мифический разбойник Ляля.

В 2000 году в деревне Ляпуново Ю.А. Кирбитов интересовался: «...а помнит ли кто-нибудь из оставшихся немногочисленных селян гостившего тридцать лет тому назад Н. Рубцова? Нашёлся мой знакомый, небольшого роста, худощавый Владимир Сергачёв, одетый, как в старину в красную рубаху. С доброй улыбкой, искренне поведал свои детские воспоминания: «Александр и приехавший к нему небольшого роста, щуплый, лы-

---

[7] Грачёв И.С. Это был Николай Рубцов // Качканарский рабочий, Качканар (Свердл. обл.), 1994. — 27 авг. — С.3.

[8] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Спб., 1890-1907. Поветь — нежилая пристройка к крестьянскому дому сзади над хлевом, для хранения скотского корма, земледельческих орудий, дровней, телег и других хозяйственных принадлежностей; здесь же устраивают и клеть. Иногда поветь означает чердак, сарай, сенник, крышу над двором (в Вятской, Вологодской, Нижегородской и Тверской губ.), крытый тёплый двор и навес.

соватый гость на этом вот огороде соорудили из берёзовых жердей лавочку. Это потом я узнал, что гостем был известный поэт Николай Рубцов. Гость, сидя на ней, играл на гармони, пристально вглядываясь на Ветлугу и заветлужские леса. Вид был открытый. Красота! Это сейчас всё застилает вымахавшая поросль берёз и елей. Мы же, ребятня, варили на бугре уху из пойманной рыбёшки, да с любопытством разглядывали незнакомца, слушая игру гармони...»[9]

Такова история невольных «гастролей» поэта Николая Рубцова летом 1969 года, сохранившаяся в памяти трёх ветлугаев: Ивана Грачёва, Владимира Сергачёва и Александра Сизова.

А что хромка-двухрядка семьи Сизовых? После кончины родителей её наследовал Александр, и она «прописалась» на земле Черноречкой. В 1994-1997 годах он, уступая просьбе Д.А. Ширяева, основателя Литературного музея поэта Н. Рубцова, соглашался передать гармонь в качестве экспоната, при условии: отдел культуры предоставит взамен любую другую, в независимости от состояния. Это легко выполнимая просьба, но отдел культуры «кормил обещаниями» свыше трёх лет, и обмен инструментами так и не состоялся: А.А. Сизов скоропостижно скончался...

В начале 1998 года мои попытки заполучить хромку, как экспонат в музей Н. Рубцова, не привели к успеху. Эта неудача сейчас доставляет мне огромную радость. Почему? Дело в том, что

в 2003 году земляки в Варнавине учредили Литературный музей Александра Сизова и, по моему глубокому убеждению, гармонь обязательно должна была вернуться на Ветлугу.

23 сентября 2011 года на IX Сизовских чтениях, посвящённых 75-летию Н.М. Рубцова, Зоя Михайловна Автаева, вдова А.А. Сизова, преподнесла безвозмездно в дар музею сохранённую гармонь. Всё возвращается на круги своя...

На Чтениях игру на хромке продемонстрировал 83-летний варнавинец, записной гармонист Александр Васильевич Кузнецов. На мой вопрос: «Каков, по-вашему, её возраст?», — он поведал: «Она изготовлена в конце 1950-х годов, так как в 1957 году я купил точно такую же. Их только что стали выпускать с переключателем регистров». Надпись на табличке: «Тульский совнархоз. Гармонная фабрика». Совнархозы были организованы в 1957 году.

Гармонь, доставлявшая радость двум студенческим товарищам — Николаю Рубцову и Александру Сизову, как память о них, обрела музейный покой на земле Ветлужской.

Нижегородчина. Черноречье. 2011. Октябрь. 29.

---

[9] Кирбитов Ю.А. Дорогой воспоминаний / Литературная обработка С. Першина // «Нам о том рассказывали сосны...» — Дзержинск (Нижегород. обл.), 2006. — С.41-46.